

26.11.57

ТЕАТРАЛЬНАЯ ВЕСНА

1958

Московская театральная весна

Душа простого солдата

Московская театральная весна началась. Творческая коллектива столицы открыли смотр призов своих лучших спектаклей. Впереди — встречи со зрителями, творческие обсуждения, конференции.

ДУМАЕТСЯ самое принципиально важное и человеческое порождение, что увидели москвичи в спектаклях, воспевающих и далекому уже годину гражданской войны и памятные всем дни Отечественной войны советского народа против фашистской Германии, — это бесстрашие душой простого бойца, солдата, великого и скромного, совершавшего чудеса самоотвержения ради Революции и Родины.

Подчеркнутый отказ от какой бы то ни было парадности, стремление к наибольшей жизненной достоверности, искренности и конкретности в образке людей, ситуаций, взаимоотношений — определял еще один пьес «Люди которых я видел» С. Смирнова. «Вечная слава» В. Рыжова, «Обоз второго разряда» Д. Давурина. На первом плане здесь находится не полководцы, ведущие судьбами огромных армий, а самая малая и в конечном счете самая важная клеточка необойтовой военной машины — рядовой солдат.

В спектакле Театра имени Ермоловой «Обоз второго разряда» говорится о бойцах гражданской войны, которые уже давно по самому положению своему, судьбу скромную и незавидную, не предавали бы то чтобы предать перед потоками в героическом свете.

Режиссер Л. Варпаховский и художник И. Зеленский нашли остроумно и впечатляющее, хотя может быть несколько громоздкое решение сценического пространства. Все четыре действия, по замыслу автора пьесы, происходят в одной и той же обстановке. Знаменитая и зритель едва попав в зал, сразу же видит большую, когда-то видимо роскошную комнату в полуразрушенном войной пансионате даче на Волгине. Следы прежней пышной обстановки как-то особенно подчеркивают парадность тут как, неразбериху. То ли склад, то ли казарма, то ли гостиная — все здесь сплелось в этом неприятном случаем, нелепо обретенном пристанище. Живут и умирают, радуются и страдают люди бойцы хозяйственной части полка, обоз второго разряда — коллективных герой пьесы Д. Давурина.

Именно с коллективным героем, народом встречаемся мы во всех трех постановках. И то, что способствует в спектаклях раскрытию темы коллективного героя, что усиливает в них народную струю, — все творчески находки художника, режиссера исполнителей законмерно приобретают организационный характер, сообщая работам на внешний блеск, а глубокое внутреннее наполнение.

Думается, а спектаклях с коллективным героем режиссеру, как никогда важно иметь точное «определение» при распределении ролей, но еще более важно — добиться слаженности ансамблности актерского исполнения, найти в

каждом герое то особенное ему присущее, что сольется потом в общей картине.

Особенно дружно, мощно и вместе с тем лирически мягко звучит актерский ансамбль в спектакле ПТСА «Люди, которых я видел». В постановке режиссера А. Шапиро, здесь «определено» является прекрасный актер П. Константинов в скромной роли безымянного Сапера.

Глядя на этого коренастого добродушного, полного живой наблюдательности, уже немолодого солдата в затерпанной шинеличке, трудно поверить в то, что жизнь человека представшего перед нами на сцене, воссоздана только силой актерского перевоплощения. П. Константинов рассказывает о своем герое гордо и смело, но что написано в его лице, приносит на сцену дышащие большой, истинно народной, патристической темы он живет и умирает совсем просто, интеллигентно не ведая о своем героизме, и искреннее желание преданности перед этим великодушным, неподдельным героизмом. Все в Константинове — больше, натуральнее, живее, руны, нетерпеливые, тонко чувствительные движения, хрипловатый голос, как-то особенно округло выговаривающий слова, открытая, искренняя повадка — выдает человека труда. Но главное в Сапере Константинова то, что он — знает современника. Он одет жизнью на столько за свою деятельность, но за это «романтическое» Советскую Родину за все то, чем он жил в Советской стране, что давало ему радость и счастье.

На сцене Театра имени Евг. Вахтангова зритель не видит точных, живых конкретных признаков Подчосковца. Для развешивания «обозного пьеса» В. Рыжова. В своем намеренных развалах, угрозах и теньях, встал на смерть бойцы осененный громадьм и гремящим алым стягом. И вряд ли следует оспаривать право постановщика С. Смирнова и режиссера С. А. Качалкина на подобное решение образа спектакля. Театральная условность, неидеальная как бы внутри живой ткани художественного материала, несомненно помогает режиссеру утихнуть героико-трагическую линию сценического повествования.

Но когда театр идет еще дальше в своем стремлении поднять собирав на всем тем, что кажется знакомым, возникает ощущение что самая пьеса, написанная в простом, бесхитростном чашере, не всегда получается подобному решению. Это особенно сказывается в режиссерской трактовке первой картины спектакля, где вдруг все действующие лица как заранее становятся в торжественные позы прилаживающиеся к надобному мячникам а ход за сценой начинает протяжно и мрачно возносить к небу бесовские глупые рыдания. Появление героев на сцене взаимно сопровождается резким барабанным бегом, его можно воспринять и как отзвуки далекой команды промчавшей все время над головами бойцов, и как некий грозный голос воинского подвига, человеческой судьбы, гостя рока. Это привнесено в постановку иная, аряд ли позволяет зритель глубже проникновению воспринять жанр образов. Зато в ре-

шающем, главное, эта жизнь захватывает его, и он взволнованно следит за событиями, отчетливо различая приподнятую романтику, Высокий максимализм и безукосно поведение простых людей.

В блистательном исполнении артиста Н. Тимофеева Яценев предстает как человек, который не имел отчаянной решимости, эмоциональной яркости Огаря — Абрикосова. Яценев силой необычайной выдержки, умел вводить собой Замкуцкого, реинсценировал сугубый Яценев Тимофеева. Вначале не кажется привлекающим А. Потом, как это бывает и в жизни, когда видишь, что такое впечатление о человеке оказалось ошибочным, к герою Тимофеева начинаешь относиться с интересом и доброжелательством.

В спектакле Вахтанговцев много интересных актерских работ.

Но особенно привлекает высоко человеческое народное звучание образа артиста М. Дядило, исполняющего роль связиста Куренка.

Казалось бы, Куренку — Дядило — полная противоположность возвышенному (при всей его внешней простоте) образу Сапера в спектакле ПТСА. Если герою Константинова можно во всем довериться — не обманет, не обидит, не подведет, — то герою Дядило, что называется галбна в рот не кавдишь (хотя и кавдишь), любителям паша покурить, погреться в тепле — так и бег в нем жидка «жизни». Весь он лопоч восторо почти несерьезного лукавства, и где-то цепко еще сидит в нем это «кресельная душа». Но Куренку ни на минуту не задумывается, когда бойцам Огарю приходится как можно дороже отдать свою жизнь. Жарко полыхает подожженый Куренку взлетает, и умирающий Огарь умирает по-героически. «Напрасно ты не прими Куренка в партию! Напрасно!» — думает и зритель.

И такая же мысль возникает при взгляде на тихую, скромную, ласковую медсестру, вернее — санитарку Зину (актриса Н. Вишняк), жену невольника Обоз в сцене пьесы «Обоз второго разряда» Героизм Зины — Вишняк не блещет в глаза. Все что она делает, предельно просто. Но в этой простоте видна хорошая соотнесенная ответственность сценического поведения. Убедительна и Корва в исполнении Д. Фивельского — начальный образ умирающий от сыпного тифа С. Чобьяко к своему предшественнику, Франтовскому, беззаветно храброму герою с завидной силой умел играть историю, проделывая Фомина П. Галлис и рядом с ним удивительно трогательный, человеческий образ создает артист И. Маркина в роли тринадцатилетнего добровольца Мити Власенко.

Все это центральные, ведущие образы постановки ермоловцев расширяющие душу простого солдата революции и определяющие главную идейно-художественную ценность спектакля. Жаль, что являющаяся в события пьесы история Маша, которую сочно играет Е. Рыжова, и полковник Шербин (Ю. Лещинский) не всегда звучит в унисон с основной линией сценического повествования, а иногда как бы даже входит в сторону от главной темы.

И все же несмотря на отдельные спорные места, неточности в прочтении пьесы режиссерской или исполнительской, все три спектакля — такая важная находка — воспринимается как искренняя хвала душе простого человека, рыцаря и воина Советской земли.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Соборная рецензия